

Алексей Нижегородский

ХРУСТАЛЬ

Алексей Нижегородский

Хрусталь

«Издательские решения»

Нижегородский А.

Хрусталь / А. Нижегородский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832317-1

Когда от Артёма уходит любимая, он теряет смысл жить дальше. Единственное, что может его спасти, — бои, которые он бросил много лет назад из-за травмы позвоночника. Балансируя между отчаянным желанием выиграть местный чемпионат и угрозой попасть в инвалидное кресло, Артём идёт напролом навстречу своей судьбе. Хрусталь — именно так зовут его в секции по кикбоксингу. Он уверенно движется к успеху, и «разбить» его может лишь одно — новая любовь, которую он встречает за три недели до нового боя.

ISBN 978-5-44-832317-1

© Нижегородский А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
1	7
2	8
3	9
4	10
5	12
Глава 2	14
1	14
2	15
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хрусталь

Алексей Нижегородский

© Алексей Нижегородский, 2017

ISBN 978-5-4483-2317-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель!

История Артёма, рассказанная мною от первого лица, частично выдумана. Используемые в этой книге имена вымышлены, а совпадения случайны.

Приятного вечера и до новых встреч!

Глава 1

1

Бред, который обычно снится поздним утром, неожиданно прервался. Я облегчённо открыл глаза, но уже через мгновение пожалел и об этом: реальность, с лихвой превзойдя мои сны, обрушилась горьким осознанием действительности. «Настя... Её у меня больше нет...» – с болезненным спазмом прозвучало в голове. Резко накотившая паника, создающая в груди вакуум, ушла куда-то вниз по телу. Это чувство преследовало меня уже вторую неделю – то самое ощущение, когда просыпаешься уже один, а не с ней.

Пустота стены, по которой блуждал мой отрешённый взгляд, как нельзя более точно отражала меня. Абсолютная пустота внутри – вот всё, что от меня осталось. Я даже не был уверен в том, существую ли теперь я сам. Если физически я ещё не умер, то морально – точно. Но я был не против и физически.

Желание оставить этот мир усилил ужасный похмельный привкус во рту. Казалось, что это ощущение везде: в носу, во рту, в ушах. Я перевёл взгляд на компьютерный стол и упёрся в красивую дугу из пустых пивных бутылок – ночью я опять пытался забыться. Если взглянуть правде в глаза, я лишь больше себя добивал, слушая слезливую музыку и заливаясь бесполезным алкоголем. Зачем мы всегда так делаем? Это ничуть не помогает.

Погрузившись в себя, я снова уткнулся в подушку, не зная, что мне делать и зачем. Я об этом даже не думал – мне не было дела ни до чего. Начнись тогда землетрясение или война, я бы даже не выглянул в окно и не включил телевизор. И меня бы никто не потревожил: на целых две недели в родительской квартире я был абсолютно один. Отец жил отдельно, а мать только что уехала на отдых в Турцию. Я был этому даже рад – не хотелось, чтобы она видела меня в таком состоянии.

Одиночество дало мне возможность круглосуточно выть и пускать слюни, полностью позабыв о еде. Ничто не могло отвлечь меня от саморазрушения. Даже на работе, которая всё равно не смогла бы меня занять, начался отпуск. Поэтому я мог в полной степени предаться охватившей и убивающей меня пустоте.

Я познавал этот ад уже десять дней. Страшные головные боли, чувство горя в каждой клетке тела и полное безразличие ко всему – симптомы человека, который только что кого-то потерял. Двадцать девятого июня я потерял Настю, но она жива: она исчезла только для меня.

Настя ушла, а вслед за ней испарился и весь мой мир. Не знаю, как так получилось, но с первых же дней нашего романа она заменила мне всё. Я бы даже сказал, что она – и есть мой мир. Такое бывает не только в кино: когда встречаешь *своего* человека, растворяешься в нём полностью.

Когда всё кончилось, я ощутил себя мужиком, брошенным спустя пятнадцать лет совместной жизни, хотя мы с Настей были вместе ровно тридцать дней. Всего лишь месяц. Мимолётный кусочек её жизни, который она предпочтёт стереть из своей памяти, в моей останется навсегда. Этот месяц дал мне возможность вспомнить о том, что значить *жить*.

Резкий набор высоты, недолгий полёт, затем аварийное снижение и катастрофа – вот краткая расшифровка чёрного ящика нашего недолгого романа с Анастасией.

2

Сморщившись от противного запаха в носоглотке, я всё-таки заставил себя оторваться от кровати и медленно протопал на кухню. К счастью, на столе меня поджидал оставшийся с вечера чай. Я жадно схватил чашку и с наслаждением сделал три хороших глотка. Это было прекрасно! Сладкий остывший чай поутру – моя страсть. Моя маленькая радость. Говорят, что именно ради таких мелочей и стоит жить. Но тогда я даже не был уверен в том, стоит ли жить вообще.

Мои мысли, которые в распечатанном виде напомнили бы попытки расписать замёрзшую ручку, прервал звонок. На заплетающихся ногах я вернулся в комнату и с трудом нашёл спрятавшийся под подушку телефон. На экране светилась надпись «Лёня» (Лёня – мой друг, живущий неподалёку; мы часто устраиваем с ним лёгкие тренировки по боксу или просто ходим на турники). Полным энтузиазма и бодрости голосом он предложил немедленно пойти на спортплощадку.

Нарушая все законы биологии и физики, я согласился на тренировку. Каким-то неведомым образом я находил в себе на это силы даже в тот период, хотя уже был похожим на труп. Те полторы недели хаоса вообще поразили меня моими ресурсами: не знаю, как я на самом деле не умер. Но, несмотря на это, всего через полчаса после звонка я уже двинулся на турники.

На улице было свежо и прохладно. Первые подходы подтягиваний получились неплохо, но потом силы кончились – долгое отсутствие еды всё же дало о себе знать. В попытках отдышаться вспомнил Настю. Сердце снова ушло в пятки, но на этот раз мне было легче: Лёня отвлекал разговорами о силе своих ударов.

Со вздохом посмотрев на сырой от дождя турник, я почему-то вспомнил, как уютно было раньше полноценно заниматься в зале. Как много лет назад, ещё до резко появившихся проблем с позвоночником и суставами, я беззаботно ходил в тренажёрный зал. Как ездил заниматься боевым самбо. Как чувствовал себя здоровым и счастливым без всяких «Насть». Как всё это кончилось в семнадцать лет, я тоже помнил. Когда организм дал сбой, я потерял всё это за два месяца. Бесплезная беготня по всевозможным врачам, как и следовало ожидать, тогда ничего не дала (как и потом). И вот в свои двадцать пять я уже девятый год разваливался, не зная, как мне на это смотреть: как на неизбежный и трагичный финал, о котором не следует думать, или как на проблему номер один.

Словно застыв, я прокрутил всё это в голове. Честно говоря, эти мысли итак почти оттуда не выходили: сложно забыть, когда любое твоё действие сопряжено с неудобствами. Очнувшись, я прыгнул на турник и сделал ещё один подход. Я знал, что буду бороться, ведь как бы не была тебя жизнь, сдаваться нельзя. Надо двигаться дальше. Вот только ради чего? Полторы недели назад все мои смыслы сорвались в пропасть.

3

Прошло ещё две недели без Насти. Ощущение пустоты осталось. Временами я переписывался с лучшими друзьями и даже иногда встречался с ними в кафе – сидел напротив и большую часть времени молчал.

С остальными всё обстояло ещё хуже: желание говорить с кем-то так и не вернулось. С каждым днём я уходил в себя всё больше и возвращаться не планировал. Внешне это было уже не так заметно, но пропасть внутри не уменьшалась. Единственное, что я к тому моменту осознал – Настя вовсе не стоила всех моих переживаний. Это было довольно поздним, но бесконечно полезным открытием. Месяцем раньше я не мог отнестись к этому адекватно: когда твой мир рушится, все здоровые и позитивные мысли кажутся тупыми попытками утешиться и летят к чертям.

В первый день после отпуска я был мрачнее тучи. Молча сидел за своим столом, молча ел в обед, молча слушал коллег. Иногда я мог случайно рассмеяться, но это длилось всего пару секунд: спохватившись, я снова упирался безразличным взглядом в никуда.

Когда начинало по-настоящему мутить, я на ватных ногах шёл к служебной машине и устраивал заезды по огромной территории завода. Адреналин делал своё дело, и организм был вынужден приходить в себя. Пара излюбленных связок поворотов, прохождение на грани фола и вуаля – сознание снова ясное, а движения отлажены и остры.

4

Несмотря на то, что я провёл у Насти только тридцать дней, ехать с работы к себе домой оказалось делом непривычным. Честно говоря, непривычным было вообще всё: когда твой мир вдруг стал состоять из тебя одного, всё переворачивается с ног на голову и теряет смысл.

Придя домой, я заставил себя что-то съесть и засел в интернете, с каждым часом всё больше и больше проваливаясь во мрак. Тоска нарастала. Когда на заднем фоне вдруг заиграла «Земфира», захотелось выпить, зареветь и застрелиться одновременно, словно девчонке-тинэйджеру, страдающей от неразделённой любви. Не самые лучшие ощущения для мужика. Хорошо хоть, что я нашёл в холодильнике пиво. Жаль, что оно не помогло.

Когда наступил кризис, я вышел из дома и просто пошёл куда-то вдаль. Свежий воздух не успокаивает, но явно освежает мозги. Или отключает их вовсе, потому что, пройдя пару кварталов, я не удержался и написал Анастасии. Сначала она долго не отвечала, а потом от неё пришло сообщение, что ей неудобно писать, и что она за рулём. Но она не бывает за рулём так поздно в обычный день. Потеряв голову, я спешно двинулся к другу за его машиной.

Караулить Настю возле дома пришлось очень долго. В квартире её не оказалось, а отвечать мне, где её носит, она отказывалась. Оставалось только ждать. Спустя ещё полтора часа терпение меня подвело: я решил проверить сначала её вторую квартиру, а потом даже съездил на парковку возле дома её лучшего друга. Ничего не обнаружив, я в спешке вернулся, уже чувствуя, что всё проморгал. И оказался прав: красный Seed уже стоял на месте. Я заглянул за угол, увидел свет в окнах её квартиры и смело вошёл в подъезд. То, что было потом, напомнило мне цирк: Настя не открывала, грубо отправляя меня по телефону домой. С четвёртого раза я всё же добился от неё признания, что она не одна. Когда она картинно кричала в трубку, что «всё кончено больше трёх недель назад», я уже догадывался, для кого она так старается. Некоторое время спустя в тамбуре наконец-то возник Паша – её бывший.

Думаю, будет логично немного рассказать о Паше. Паше 33 года. Он живёт в Москве и преподаёт технические дисциплины в одном из институтов. Само собой, это не единственная его работа, но именно она косвенно служит причиной его частых командировок в разные города России, и в частности – в наш грешный Нижний. Примерно за год до этого забавного случая он познакомился с Анастасией, и всё это время они были вместе: 99% процентов виртуально, 1% у неё в гостях, когда он приезжал. Насте всегда хотелось большего, но он не спешил. И тогда она решила отвечать ему тем же. А потом на горизонте появился я.

В первый месяц мы с Настей просто переписывались, а на второй уже почти не отходили друг от друга. Как раз тогда всё и рухнуло: когда я начал понимать, что Настя все ещё любит Пашу, наши отношения дали трещину. Они должны были кончиться, и это произошло. Я оказался заложником банальной ситуации. Всё было просто: Анастасия начала новое, не сумев забыть о старом. Но она отказалась сразу это признать. Вместо этого она отказалась от меня. Скучающий Паша тем временем продолжал ей писать, и не находившая в себе сил ему не отвечать Настя в итоге оттаяла, дав ему новый шанс.

На мои протесты по поводу их переписки Настя всегда реагировала агрессивно. Она уже тогда очень боялась, что я помешаю Паше, когда он вернётся. Было уже поздно вмешаться в происходящее, когда я всё же совершил звонок, который должен был сделать уже давно. Мы с Пашей наконец-то поговорили. Вкратце, без деталей. И, поскольку он жил в другом городе, мы договорились встретиться по его звонку сразу, как он приедет. Но он не звонил. По иронии судьбы он прилетел в Нижний именно в тот день, когда я решил поиграть в шпиона. Наша дол-

гожданная встреча, как в типичном фильме про любовный треугольник, произошла на лестничной клетке возле двери Анастасии.

5

Павел, который после пятнадцати минут разрывания дверного звонка всё же соизволил показаться на свет, был на взводе. Очевидно, что вся эта ситуация тоже была ему не по душе. Он вылетел из квартиры словно петух, готовый броситься в бой, но наткнулся на полное безразличие – я вовсе не хотел с ним драться. Я мог винить во всём случившемся лишь Настю, которая, между прочим, абсолютно также пару месяцев назад променяла его на меня. А к нему у меня был лишь один вопрос: почему он мне не позвонил, когда приехал. Когда мы вышли на улицу, я спросил Пашу именно об этом. Он впал в небольшой ступор, а потом тяжело вздохнул.

– Так она же гово... она сказала, что у вас всё кончилось. Я хотел позвонить, но она так уговаривала и убеждала... Ладно, хочешь говорить, давай поговорим. Парень, ты, как я вижу, адекватный. Почему-то я понял это сразу – ещё в момент твоего первого звонка.

И мы поговорили. Целых полчаса два мужика, любящих одну женщину, шли по аллее и рассказывали друг другу, как любят её, и как она им врала. Бывает же такое! Эта беседа не могла иметь логического конца, поэтому Паша предложил поехать выпить в стриптиз-бар.

Честно говоря, ехать туда я совсем не хотел, и предчувствие меня не обмануло: когда ты целый месяц думаешь о том, как вернуть свою ненаглядную, смотреть на вульгарных дам с лицом крокодила, прыгающих перед тобой без трусов, по-настоящему противно.

Паша, который оказался завсегдаем таких заведений, посоветовал относиться к этому проще и предложил выпить. Мы заказали виски (которое стоило там, как целый винный магазин), а потом решили посадить к себе администраторшу по имени Екатерина.

Екатерина заинтересовала нас намного больше, чем стриптиз. Она оказалась единственным красивым существом в том здании, и, к тому же, она была явно не глупа. Ей были нужны от нас лишь деньги, но Паша всё равно решил её разговорить. Он заказал ей хорошего вина, и мы умудрились уломать её сесть к нам за стол, хотя в рабочее время это строго запрещено. Не говоря уж о том, что мы были единственными клиентами в зале вообще.

Когда изрядно опьяневший Паша стал всё чаще сдавливать Екатерину, а я всё сильнее призывать его вести себя вменяемо, она подметила между нами некоторую напряжённость. Пришлось рассказать ей историю про нашу ситуацию с Настей, и она внимательно выслушала её до самого конца.

– Дура она. Подумает она ещё о тебе, поверь. Но будет слишком поздно: тебе она уже вообще не будет нужна.

Не знаю, думала ли обо мне Анастасия когда-нибудь потом или нет, но в остальном Екатерина оказалась удивительно права.

Когда Паше было пора на воздух, мы, разбрасываясь направо и налево моими извинениями, наконец-то покинули зал. Екатерина уверенно просила у нас чаевые, но я лишь развёл руками – «башлял» то Павел. Да и мне самому показалось, что счёт в восемь с половиной тысяч за то, что мы бесполезно провели полтора часа – достаточная плата. А Екатерина, между прочим, получила неплохую историю и бутылку отличного вина – по-моему, справедливый обмен на её прекрасные бедра под моей рукой.

После очередного несостоявшегося турнира по боксу на улице мы с Павлом выдвинулись домой. Он что-то бубнил про Анастасию, поэтому я не решился посадить его в такси одного и поехал с ним. Когда мы проезжали мимо её дома, я вышел, а таксисту велел везти Пашу в его гостиницу.

Настя открыла дверь сразу. Она не ложилась и ждала. Ей было интересно, чем всё кончилось. Точнее, в её головёнке крутился лишь один немой вопрос: сумел ли я настроить Пашу против неё. Само собой, об этом она не спросила. И не знаю, что бы я ей ответил, ведь я не так уж и стремился к этому в ту ночь. Поэтому я просто объяснил ей, что она совершила ошибку. Погладил её по голове, последний раз приобнял и попрощался. Больше я никогда не видел Анастасию.

Глава 2

1

После прощания с Настей я думал о ней всё реже и реже: когда человек теряет моё уважение, он фактически перестаёт для меня существовать. Но иногда я всё же ловил себя на мыслях о ней. Пару раз даже писал ей что-то, но она ничего не ответила. Тогда я заставил себя запомнить её хорошей. И я тосковал. Дни оставались серыми ещё довольно долго.

Просветом во мраке моей поникшей души, как бы нелогично это не прозвучало, стали ночные прогулки в одиночестве. Именно они тогда направили меня на верный путь. Они, а не коллективные пьянки, которыми мне предлагали отвлечься. На них за всё это время я так ни разу и не сходил. Я знал, что от себя в толпе не скроешься. Компанию в часы печали ищут слабые, а сильные убиваются в одиночку.

Старт моим скитаниям в ночи был дан случайно. В один вечер, не выдержав сидения дома с отрешённым лицом, которое пугало давным-давно вернувшуюся из отпуска мать, я надел спортивный костюм, взял наушники и отправился бегать. Время было позднее, и людей на улице не было. Я прохватил по близлежащему откосу, запыхался и пошёл пешком. Прибавив громкость очередной грустной композиции, я задумался об Анастасии и почувствовал, как по щекам скатились две одинокие капли. Наверное, это и были те самые «скупые». Впрочем, накрывшая меня волна чувств ушла довольно быстро: её сменил неожиданный прилив сил, который буквально умолял меня идти куда угодно, но только не домой. Направлений для прогулок в моём районе немного, поэтому я выбрал проспект Гагарина и двинулся в сторону центра.

Ноги несли меня очень уверенно, и уже через десять минут я поравнялся с парком «Швейцария». Растянувшийся на десяток автобусных остановок, он занимает добрую треть высокого откоса верхней части города. Вдоль края парка идёт дорожка, с которой открывается живописнейший вид на реку Оку и нижнюю часть города. По этой дорожке очень приятно бегать, поэтому я свернул туда. Но бегать не получилось: в парке стояла полнейшая, я бы даже сказал абсолютная темнота.

Атмосфера ночного парка меня восхитила. Я будто бы почувствовал себя за кулисами мира, где меня никто не видит, и где никого нет. Никакой боязни темноты в помине не было. Я даже усмехнулся: если бы на меня наткнулся в темноте такой же гуляющий, он сам поседел бы и навалил кирпичей.

Преодолев сто метров этой лотереи, я вышел из небольшого леска на открытый откос. Наконец-то стали видны очертания дорожки – мне светили августовские звёзды и луна. Я подошёл к площадке на краю обрыва и восхищённо выдохнул: вид был поистине прекрасным. Я ещё никогда не бывал там ночью. Передо мной, как на ладони, раскинулась сверкающая редкими огнями нижняя часть города. Чуть ниже тёмным полотном растянулась река, которую как будто разрубили на длинные куски светящиеся мосты. Их огни красиво отражались на лёгкой ряби воды, давая симметричную картинку. Я поднял взгляд и чуть выше – туда, где были мои ночные источники света. Звёздное небо было изумительным. Недоступным, но близким и открытым. Я рассматривал его, как в планетарии. Казалось, что звёзд можно коснуться рукой.

Идя по тому откосу, я с каждым метром дышал всё легче. На середине пути я даже захотел спать. Я вернулся домой уже более спокойным, но немного сумасшедшим человеком. А главное – совсем другим.

2

Приключение в парке впечатлило меня. Ночные прогулки стали моей страстью. Когда город словно вымирал, я шёл гулять в сторону центра.

Так прошла ещё неделя. Я всё больше успокаивался и всё больше походил на нормального человека. Угольки отчаяния в моих глазах, которые вкупе с отрешённым лицом поначалу заставляли шарахаться от меня изредка попадавшихся опоек или курсирующую парой гопоту, постепенно пропали. А мирного гражданина ночью, как известно, проблемы находят быстрее. И это, в конце концов, произошло.

Та ночь ничем не отличалась от остальных: уже третий час я шатался по городу. Пройдя по Верхневолжской набережной, я двинулся в сторону Советского района. Оттуда было рукой подать до дома – каких-то десять километров. Я шёл по тёмному проулку, в конце которого слабо горели фонари. Откуда-то донёсся громкий смех пьяной компании. Он был слышен даже в наушниках, и я на всякий случай их вынул, чтобы знать, о чём идёт речь. Вскоре компания появилась в свете фонарей. Это были парни лет двадцати с пивом в руках, по гоготанию и виду напоминавшие дворовое хулиганье. Я шёл быстрее них, и мы поравнялись очень быстро. Ребята были уже навеселе и явно обрадовались, увидев меня.

– Эй, спортсмен, ты чё, гуляешь? – прогундосил один из них.

– Да.

Наверное, к лику фанатов спорта его дурная голова причислила меня благодаря моему спортивному костюму марки «Адидас» с белыми лампасами. Парень был очень близок к правде, но я не имел ни малейшего желания вступать в дальнейший разговор. Общение с пьяными малолетками вообще меня не интересует, поэтому я просто прошёл мимо.

– Эээ, ты чё, куда пошёл? Я с тобой разговариваю! Ты чё, козлина, охр*нел? – парень с лицом типичного гопника решительно двинулся за мной.

Обычно я вскипаю очень долго, но в таких ситуациях это происходит мгновенно. Я развернулся и встретил бравого парнишку хорошим прямым ударом правой в челюсть. Он отшатнулся, попятился назад и схватился за разбитый рот.

– Аааай! Ай, бл*! – уже совсем не так воинственно, как раньше, замычал «смельчак».

Компашка тут же встрепелась. Ко мне кинулись ещё двое. Первого я тоже поприветствовал легко – левый джеб у меня всегда был очень быстрым. Я щёлкнул ему по носу раньше, чем он успел махнуть руками сам. Но закончить с ним не получилось – на меня уже уверенно летел второй, откровенно замахнувшись правой. Выставив защиту, я принял на неё размашистый деревенский удар. Парень был очень крепким, и в ударе чувствовалась мощь. Не дав ему второго шанса, я сразу же пробил в ответ хорошим боковым по челюсти. Второго удара не потребовалось: он «потерялся» и осел на асфальт, как мешок с навозом.

А дальше всё пошло не так, как хотелось бы. Только в кино все нападают по очереди. Оставшиеся набежали одновременно, и завязалась возня. Даже самый первый конопатый паренёк с выбитыми мною зубами внёс свою лепту, вцепившись костлявой рукой в мою толстовку. В суете я получил удар сзади по голове, а потом был свален на землю.

Есть такое утрированное выражение – «не касался земли». Так говорят о тех случаях, когда тебя пинают ногами, как футбольный мяч, и ты даже не успеваешь приземлиться, получив в воздухе очередной пинок. Примерно это тогда происходило со мной. Наверное, я мог бы там и вовсе проститься с жизнью, если бы не чей-то уверенный крик.

– А ну разбежались! Что такое тут творится? Я сейчас милицию вызову! – прихрамывая и размахивая клюкой, в нашу сторону бежал непонятно откуда взявшийся дедок в коричневом плаще.

Малолетки даже не обратили на него внимания. Я катался по земле как колобок, пытаюсь сгруппироваться и хоть как-то укрыться от ударов.

– Кому сказал! – не унимался дед. Он наконец-то добежал и огрел одного по спине своей палкой.

– Ах ты, козел старый! – мальчишка толкнул его, и дедок тяжело упал на асфальт.

– Не трогай его! – властно крикнул кто-то из только что пинавших меня. – Оставьте обоих. Уходим.

3

Всё тело гудело. Превозмогая боль, я приподнялся на одной руке. Компания юного отрепья, матерясь и отплеываясь, удалялась вниз по улице. Дедок уже встал и энергично отряхивался.

- Как вы? – прохрипел я каким-то чужим голосом.
- Да я то что! Ты сам-то как? Живой?
- Похоже на то. Спасибо Вам.
- Да ладно тебе!
- Нет, правда, спасибо.
- Чего случилось, что за драка?
- Да пьяные они, докопались.
- Давай в милицию звонить!
- Нет, дедуль, не в этот раз, – уверенно пробубнил я.

Когда-то давно у меня уже был опыт обращения в правоохранительные органы в похожей ситуации, и конец той истории особого удовлетворения не принёс. Поэтому, тяжело поднявшись, я похромал вслед за компанией.

- Куда ты? – старик был удивлён и озадачен.
- Спасибо, дед, дальше я сам.

Ковыляя и охая, я достал телефон. Удивительно: ни малейшей трещины на экране. Чего не скажешь обо мне. Трясущейся рукой набрал номер друга.

– Колян, привет! Спишь? Ты можешь приехать? Меня тут помяли немного. Толпа каких-то шалопаев. Живой. Вроде. В Нижегородском районе. Их шестеро как минимум. Подъедешь? Как узнаю точный адрес, напишу. Сейчас еще Лёне и Антохе наберу. И брата позови. Спасибо, Коль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.